

Книга первая

I

В тот год поздним летом мы стояли в деревне в домике, откуда видны были река и равнина, а за ними горы. Русло реки устилали голыш и галька, сухие и белые на солнце, а вода в протоках была прозрачная и быстрая и совсем голубая. По дороге мимо домика шли войска, и пыль, которую они поднимали, садилась на листья деревьев. Стволы деревьев тоже были покрыты пылью, и листья рано начали опадать в тот год, и мы смотрели, как идут по дороге войска, и клубится пыль, и падают листья, подхваченные ветром, и шагают солдаты, а потом только листья остаются лежать на дороге, пустой и белой.

Равнина была плодородна, на ней было много фруктовых садов, а горы за равниной были бурые и голые. В горах шли бои, и по ночам видны были вспышки разрывов. В темноте это напоминало зарницы; только ночи были прохладные, и в воздухе не чувствовалось приближения грозы.

Иногда в темноте мы слышали, как под нашими окнами проходят войска и тягачи везут мимо

нас орудия. Ночью движение на дороге усиливалось, шло много мулов с ящиками боеприпасов по обе стороны вьючного седла, ехали серые грузовики, в которых сидели солдаты, и другие, с грузом под брезентовой покрывшей, подвигавшиеся вперед не так быстро. Днем тоже проезжали тягачи с тяжелыми орудиями на прицепе, длинные тела орудий были прикрыты зелеными ветками, и поверх тягачей лежали зеленые густые ветки и виноградные лозы. К северу от нас была долина, а за нею каштановая роща, и дальше еще одна гора, на нашем берегу реки. Ту гору тоже пытались взять, но безуспешно, и осенью, когда начались дожди, с каштанов облетели все листья, и ветки оголились, и стволы почернели от дождя. Виноградники тоже поредели и оголились, и все кругом было мокрое, и бурое, и мертвое по-осеннему. Над рекой стояли туманы, и на горы напозлали облака, и грузовики разбрызгивали грязь на дороге, и солдаты шли грязные и мокрые в своих плащах; винтовки у них были мокрые, и две кожаные патронные сумки на поясе, серые кожаные сумки, тяжелые от обойм с тонкими 6,5-миллиметровыми патронами, торчали спереди под плащами так, что казалось, будто солдаты, идущие по дороге, беременны на шестом месяце.

Проезжали маленькие серые легковые машины, которые шли очень быстро; обычно рядом с шофером сидел офицер, и еще офицеры сидели сзади. Эти машины разбрызгивали грязь сильнее, чем грузовики, и если один из офицеров был очень мал ростом и сидел сзади между двумя генералами, и от-

того что он был так мал, лицо его не было видно, а только верх кепи и узкая спина, и если машина шла особенно быстро, — это, вероятно, был король. Он жил в Удине и почти каждый день ездил этой дорогой посмотреть, как идут дела, а дела шли очень плохо.

С приходом зимы начались сплошные дожди, а с дождями началась холера. Но ей не дали распространиться, и в армии за все время умерло от нее только семь тысяч.

II

В следующем году было много побед. Была взята гора по ту сторону долины и склон, где росла каштановая роща, и на плато к югу от равнины тоже были победы, и в августе мы перешли реку и расположились в Гориции, в доме, где стены были увиты пурпурной вистарией, и в саду с высокой оградой был фонтан и много густых тенистых деревьев. Теперь бои шли в ближних горах, меньше чем за милю от нас. Город был очень славный, а наш дом очень красивый. Река протекала позади нас, и город был занят без всякого труда, но горы за ним не удавалось взять, и я был очень рад, что австрийцы, как видно, собирались вернуться в город когда-нибудь, если окончится война, потому что они бомбардировали его не так, чтобы разрушить, а только слегка, для порядка. Население оставалось в городе, и там были госпитали, и кафе, и артиллерия в переулках, и два публичных дома —

один для солдат, другой для офицеров; и когда кончилось лето и ночи стали прохладными, бои в ближних горах, помятое снарядами железо моста, разрушенный туннель у реки, на месте бывшего боя, деревья вокруг площади и двойной ряд деревьев, ведущий на площадь, — все это и то, что в городе были девицы, что король проезжал мимо на своей серой машине и теперь можно было разглядеть его лицо и маленькую фигурку с длинной шеей и седую бородку пучком, как у козла, — все это, и неожиданно обнаженная внутренность домов, у которых снарядом разрушило стену, штукатурка и щебень в садах, а иногда и на улице, и то, что на Карсо дела шли хорошо, сильно отличало осень этого года от прошлой осени, когда мы стояли в деревне. Война тоже стала другая.

Дубовый лес на горе за городом погиб. Этот лес был зеленый летом, когда мы пришли в город, но теперь от него остались только пни и расщепленные стволы, и земля была вся разворочена, и однажды, под конец осени, с того места, где прежде был дубовый лес, я увидел облако, которое надвигалось из-за горы. Оно двигалось очень быстро, и солнце стало тускло-желтое, и потом все сделалось серым, и небо заволокло, и облако спустилось на гору, и вдруг накрыло нас, и это был снег. Снег падал косо по ветру, голая земля скрылась под ним, так что только пни деревьев торчали, снег лежал на орудиях, и дорожки в снегу вели к отхожим местам за траншеями.

Вечером, спустившись в город, я сидел у окна публичного дома, того, что для офицеров, в обще-

стве приятеля и двух стаканов за бутылкой асти. За окном падал снег, и, глядя, как он падает, медленно и грузно, мы понимали, что на этот год кончено. Горы в верховьях реки не были взяты; ни одна гора за рекой тоже не была взята. Это все осталось на будущий год. Мой приятель увидел на улице нашего полкового священника, осторожно ступавшего по слякоти, и стал стучать по стеклу, чтобы привлечь его внимание. Священник поднял голову. Он увидел нас и улыбнулся. Мой приятель поманил его пальцем. Священник покачал головой и прошел мимо. Вечером в офицерской столовой, после спагетти, которые все ели очень серьезно и торопливо, поднимая их на вилке так, чтобы концы повисли в воздухе и можно было опустить их в рот, или же только приподнимая вилкой и всасывая в рот без перерыва, а потом запивая вином из плетеной фляги — она качалась на металлической стойке, и нужно было нагнуть указательным пальцем горлышко фляги, и вино, прозрачно-красное, терпкое и приятное, лилось в стакан, придерживаемый той же рукой, — после спагетти капитан принялся дразнить священника.

Священник был молод и легко краснел и носил такую же форму, как и все мы, только с крестом из темно-красного бархата над левым нагрудным карманом серого френча. Капитан, специально для меня, говорил на ломаном итальянском языке, почему-то считая, что так я лучше пойму все и ничего не упущу.

— Священник сегодня с девочка, — сказал капитан, поглядывая на священника и на меня. Свя-

щенник улыбнулся и покраснел и покачал головой. Капитан часто зубоскалил на его счет.

— Разве нет? — спросил капитан. — Я сегодня видеть священник у девочка.

— Нет, — сказал священник. Остальные офицеры забавлялись зубоскальством капитана.

— Священник с девочка нет, — продолжал капитан. — Священник с девочка никогда, — объяснил он мне.

Он взял мой стакан и наполнил его, все время глядя мне в глаза, но не теряя из виду и священника.

— Священник каждую ночь сам по себе. — Все кругом засмеялись. — Вам понятно? Священник каждую ночь сам по себе. — Капитан сделал жест рукой и громко захохотал. Священник отнесся к этому как к шутке.

— Папа хочет, чтобы войну выиграли австрийцы, — сказал майор. — Он любит Франца-Иосифа. Вот откуда у австрийцев и деньги берутся. Я — атеист.

— Вы читали когда-нибудь «Черную свинью»? — спросил лейтенант. — Я вам достану. Вот книга, которая пошатнула мою веру.

— Это грязная и дурная книга, — сказал священник. — Не может быть, чтоб она вам действительно нравилась.

— Очень полезная книга, — сказал лейтенант. — Там все сказано про священников. Вам понравится, — сказал он мне.

Я улыбнулся священнику, и он улыбнулся мне в ответ из-за пламени свечи.

— Не читайте этого, — сказал он.

— Я вам достану, — сказал лейтенант.

— Все мыслящие люди атеисты, — сказал майор. — Впрочем, я и масонства не признаю.

— А я признаю масонство, — сказал лейтенант. — Это благородная организация.

Кто-то вошел, и в отворенную дверь я увидел, как падает снег.

— Теперь уже наступления не будет, раз выпал снег, — сказал я.

— Конечно, нет, — сказал майор. — Взять бы вам теперь отпуск. Поехать в Рим, в Неаполь, на Сицилию...

— Пусть он едет в Амальфи, — сказал лейтенант. — Я дам вам письмо к моим родным в Амальфи. Они вас полюбят, как сына.

— Пусть он едет в Палермо.

— А еще лучше на Капри.

— Мне бы хотелось, чтобы вы побывали в Абруццах и погостили у моих родных в Капракотта, — сказал священник.

— Очень ему нужно ехать в Абруццы. Там снегу больше, чем здесь. Что ему, на крестьян любоваться? Пусть едет в центры культуры и цивилизации.

— Туда, где есть красивые девушки. Я дам вам адреса в Неаполе. Очаровательные молодые девушки — и все при мамашах! Ха-ха-ха!

Капитан раскрыл кулак, подняв большой палец и растопырив остальные, как делают, когда показывают китайские тени. На стене была тень от его руки. Он снова заговорил на ломаном языке.

— Вы уехать вот такой, — он указал на большой палец, — а вернуться вот такой, — он дотронулся до мизинца.

Все засмеялись.

— Смотрите, — сказал капитан. Он снова растопырил пальцы. Снова пламя свечи отбросило на стену их тень. Он начал с большого и назвал по порядку все пять пальцев: *sotto-tenente*¹ (большой), *tenente*² (указательный), *capitano*³ (средний), *maggiore*⁴ (безымянный) и *tenente-colonello*⁵ (мизинец). — Вы уезжаете *sotto-tenente*! Вы возвращаетесь *tenente-colonello*!

Кругом все смеялись. Китайские тени капитана имели большой успех. Он посмотрел на священника и закричал:

— Священник каждую ночь сам по себе!

Все засмеялись.

— Поезжайте в отпуск сейчас же, — сказал майор.

— Жаль, я не могу поехать с вами вместе, все вам показать, — сказал лейтенант.

— Когда будете возвращаться, привезите граммофон.

— Привезите хороших оперных пластинок.

— Привезите Карузо.

— Карузо не привозите. Он воет.

— Попробуйте вы так повыть!

— Он воет. Говорю вам, он воет.

¹ Младший лейтенант (*ит.*).

² Лейтенант (*ит.*).

³ Капитан (*ит.*).

⁴ Майор (*ит.*).

⁵ Подполковник (*ит.*).

— Мне бы хотелось, чтоб вы побывали в Абруццах, — сказал священник. Все остальные шумели. — Там хорошая охота. Народ у нас славный, и зима хоть холодная, но ясная и сухая. Вы могли бы пожить у моих родных. Мой отец — страстный охотник.

— Ну, пошли, — сказал капитан. — Мы идти в бордель, а то закроют.

— Спокойной ночи, — сказал я священнику.

— Спокойной ночи, — сказал он.

III

Когда я возвратился из отпуска, мы все еще стояли в том же городе. В окрестностях было теперь гораздо больше артиллерии, и уже наступила весна. Поля были зеленые, и на лозах были маленькие зеленые побеги; на деревьях у дороги появились маленькие листочки, и с моря тянул ветерок. Я увидел город, и холм, и старый замок на уступе холма, а дальше горы, бурые горы, чуть тронутые зеленью на склонах. В городке стало больше орудий, открылось несколько новых госпиталей, на улицах встречались англичане, иногда англичанки, и от обстрела пострадало еще несколько домов. Было тепло и пахло весной, и я прошел по обсаженной деревьями аллее, теплой от солнца, лучи которого падали на стену, и увидел, что мы занимаем все тот же дом и что ничего как будто не изменилось за это время. Дверь была открыта, на скамейке у стены сидел на солнце сол-

дат, санитарная машина ожидала у бокового входа, а за дверьми меня встретил запах каменных полов и больницы. Ничего не изменилось, только теперь была весна. Я заглянул в дверь большой комнаты и увидел, что майор сидит за столом, окно раскрыто и солнце светит в комнату. Он не видел меня, и я не знал, явиться ли мне с рапортом или сначала пойти наверх и почиститься. Я решил пойти наверх.

Комната, которую я делил с лейтенантом Ринальди, выходила во двор. Окно было распахнуто, моя кровать была застлана одеялом, и на стене висели мои вещи, противогаз в продолговатом жестяном футляре, стальная каска на том же крючке. В ногах кровати стоял мой сундучок, а на сундучке мои зимние сапоги, блестящие от жира. Моя винтовка австрийского образца с восьмигранным вороненым стволом и удобным, красивым, темного ореха прикладом висела между постелями. Я вспомнил, что телескопический прицел к ней заперт в сундучке. Ринальди, лейтенант, лежал на второй кровати и спал. Он проснулся, услышав мои шаги, и поднял голову с подушки.

— Ciao!¹ — сказал он. — Ну, как провели время?

— Превосходно.

Мы пожали друг другу руки, а потом он обнял меня за шею и поцеловал.

— Уф! — сказал я.

— Вы грязный, — сказал он. — Вам нужно умыться. Где были, что делали? Выкладывайте все сразу.

¹ Привет! (ит.)

— Я был везде. В Милане, Флоренции, Риме, Неаполе, Вилла-Сан-Джованни, Мессине, Таормине...

— Прямо железнодорожный справочник. Ну а интересные приключения были?

— Да.

— Где?

— Milano, Firenze, Roma, Napoli...¹

— Хватит. Скажите, какое было самое лучшее?

— В Милане.

— Потому что это было первое. Где вы ее встретили? В Кова? Куда вы пошли? Как все было? Выкладывайте сразу. Оставались на ночь?

— Да.

— Подумаешь. Теперь и у нас здесь замечательные девочки. Новенькие, первый раз на фронте.

— Да ну?

— Не верите? Вот пойдем сегодня, увидите сами. А в городе появились хорошенькие молодые англичанки. Я теперь влюблен в мисс Баркли. Я вас познакомлю. Я, вероятно, женюсь на мисс Баркли.

— Мне нужно умыться и явиться с рапортом. А что, работы теперь нет?

— После вашего отъезда мы только и знаем, что отмороженные конечности, желтуху, триппер, умышленное членовредительство, воспаление легких, твердые и мягкие шанкры. Раз в неделю когонибудь пришибает осколком скалы. Есть несколько настоящих раненых. С будущей недели война опять начнется. То есть, вероятно, опять начнется.

¹ Милан, Флоренция, Рим, Неаполь... (ит.)

Так говорят. Как, по-вашему, стоит мне жениться на мисс Баркли — разумеется, после войны?

— Безусловно, — сказал я и налил полный таз воды.

— Вечером вы мне все расскажете, — сказал Ринальди. — А сейчас я должен еще поспать, чтобы явиться к мисс Баркли свежим и красивым.

Я снял френч и рубашку и умылся холодной водой из таза. Растираясь полотенцем, я глядел по сторонам, и в окно, и на Ринальди, лежавшего на постели с закрытыми глазами. Он был красив, одних лет со мной, родом из Амальфи. Он любил свою работу хирурга, и мы были большими друзьями. Почувствовав мой взгляд, он открыл глаза.

— У вас деньги есть?

— Есть.

— Одолжите мне пятьдесят лир.

Я вытер руки и достал бумажник из внутреннего кармана френча, висевшего на стене. Ринальди взял бумажку, сложил ее, не вставая с постели, и сунул в карман брюк. Он улыбнулся.

— Мне нужно произвести на мисс Баркли впечатление человека со средствами. Вы мой добрый верный друг и финансовый покровитель.

— Ну вас к черту, — сказал я.

Вечером в офицерской столовой я сидел рядом со священником, и его очень огорчило и неожиданно обидело, что я не поехал в Аbruццы. Он писал обо мне отцу, и к моему приезду готовились. Я сам жалел об этом не меньше, чем он, и мне было непонятно, почему я не поехал. Мне очень хотелось

поехать, и я попытался объяснить, как тут одно цеплялось за другое, и в конце концов он понял и поверил, что мне действительно хотелось поехать, и все почти уладилось. Я выпил много вина, а потом кофе со стрига и, хмелея, рассуждал о том, как это выходит, что человеку не удастся сделать то, что хочется; никогда не удастся.

Мы с ним разговаривали, пока другие шумели и спорили. Мне хотелось поехать в Абрुццы. Но я не поехал в места, где дороги обледенелые и твердые, как железо, где в холод ясно и сухо, и снег сухой и рассыпчатый, и заячьи следы на снегу, и крестьяне снимают шапку и зовут вас «дон», и где хорошая охота. Я не поехал в такие места, а поехал туда, где дымные кафе и ночи, когда комната идет кругом, и нужно смотреть в стену, чтобы она остановилась, пьяные ночи в постели, когда знаешь, что больше ничего нет, кроме этого, и так странно просыпаться потом, не зная, кто это рядом с тобой, и мир в потемках кажется нереальным и таким остро волнующим, что нужно начать все сызнова, не зная и не раздумывая в ночи, твердо веря, что больше ничего нет, и нет, и нет, и не раздумывая. И вдруг задумаешься очень глубоко и заснешь и иногда наутро проснешься, и того, что было, уже нет, и все так резко, и ясно, и четко, и иногда споры о плате. Иногда все-таки еще хорошо и тепло и нежно, и завтрак и обед. Иногда приятного не оставалось ничего, и рад выбраться поскорее на улицу, но на следующий день всегда опять то же, и на следующую ночь. Я пытался рассказать о ночах,

и о том, какая разница между днем и ночью, и почему ночь лучше, разве только день очень холодный и ясный, но я не мог рассказать этого, как не могу и сейчас. Если с вами так бывало, вы поймете. С ним так не бывало, но он понял, что я действительно хотел поехать в Абруццы, но не поехал, и мы остались друзьями, похожие во многом и все же очень разные. Он всегда знал то, чего я не знал и что, узнав, всегда был готов позабыть. Но это я понял только позднее, а тогда не понимал. Между тем мы все еще сидели в столовой. Все уже поели, но продолжали спорить. Мы со священником замолчали, и капитан крикнул:

— Священнику скучно! Священнику скучно без девочек.

— Мне не скучно, — сказал священник.

— Священнику скучно. Священник хочет, чтоб войну выиграла австрийцы, — сказал капитан. Остальные прислушались. Священник покачал головой.

— Нет, — сказал он.

— Священник не хочет, чтоб мы наступали. Правда, вы не хотите, чтоб мы наступали?

— Нет. Раз идет война, мне кажется, мы должны наступать.

— Должны наступать. Будем наступать.

Священник кивнул.

— Оставьте его в покое, — сказал майор. — Он славный малый.

— Во всяком случае, он тут ничего не может поделать, — сказал капитан. Мы все встали и вышли из-за стола.

IV

Утром меня разбудила батарея в соседнем саду, и я увидел, что в окно светит солнце, и встал с постели. Я подошел к окну и выглянул. Гравий на дорожках был мокрый, и трава влажная от росы. Батарея дала два залпа, и каждый раз воздух сотрясался, как при взрыве, и от этого дребезжало окно и хлопали полы моей пижамы. Орудий не было видно, но снаряды летели, по-видимому, прямо над нами. Неприятно было, что батарея так близко, но приходилось утешаться тем, что орудия не из самых тяжелых. Глядя в окно, я услышал грохот грузовика, выезжавшего на дорогу. Я оделся, спустился вниз, выпил кофе на кухне и прошел в гараж.

Десять машин выстроились в ряд под длинным навесом. Это были тупоносые, с громоздким кузовом санитарные автомобили, выкрашенные в серое, похожие на мебельные фургоны. Во дворе у такой же машины возились механики. Еще три находились в горах, при перевязочных пунктах.

— Эта батарея бывает под обстрелом? — спросил я у одного из механиков.

— Нет, *signor tenente*¹. Она защищена холмом.

— Как у вас дела?

— Ничего. Вот эта машина никуда не годится, а остальные все в исправности. — Он прервал работу и улыбнулся. — Вы были в отпуску?

— Да.

Он вытер руки о свой свитер и ухмыльнулся.

— Хорошо время провели?

¹ Господин лейтенант (*ит.*).